

4. *Kupryashin G.L.* Osnovy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya. M.: Yurajt, 2015. 501 s.

5. Cifrovaya transformaciya gosudarstvennogo upravleniya: mify i realnost: dokl. k XX apr. mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitiya ekonomiki i obshhestva, Moskva, 9–12 apr. 2019 g. / D.Yu. Dvinskix, N.E. Dmitrieva, A.B. Zhulin i dr.; pod obshh. red. N.E. Dmitrievoy; Nacz. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2019. 43 s.

УДК 34

В.Н. Плесьякова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Рассматриваются проблемы трансформации информационных прав и свобод человека в условиях цифрового общества, которое диктует потребность в формировании нового концепта права, дается оценка условиям реализации разных групп информационных прав. Анализируется проблема целесообразности ограничений информационных прав граждан в интересах личности, общества и государства и установления пределов правовых изъятий. Обосновывается необходимость правовой регламентации безопасности информационной среды как части антропоэкосистемы.

Ключевые слова: цифровизация, информационные права, цифровые права, информационная среда, цифровое общество.

© Плесьякова В.Н., 2020

V.N. Presnyakova

INFORMATION RIGHTS AND FREEDOMS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

The article deals with the problems of transformation of information rights and freedoms in a digital society, which dictates the need for the formation of a new concept of law, and assesses the conditions for the implementation of different groups of information rights. The problem of expediency of restrictions of information rights of citizens in the interests of the individual, society and the state and the establishment of limits of legal exceptions is analyzed. The necessity of legal regulation of information environment security as a part of the anthropocosystem is proved.

Keywords: digitalization, information rights, digital rights, information environment, digital society.

На современном этапе российское правительство держит курс на полную модернизацию государства, развитие сельскохозяйственного и промышленного секторов, создание экономики инновационного типа, повышение уровня жизни населения. Однако абсолютно очевидным становится тот факт, что столь необходимый стране социально-экономический рывок неосуществим вне контекста глобальной цифровизации, создающей принципиально новую реальность, которая характеризуется тотальным внедрением информационных технологий, практически беспрепятственным доступом к разнообразным базам данных, высокоскоростной по историческим меркам трансформацией общественных институтов.

Одним из базовых социальных институтов является право, которое, с одной стороны, моделирует социальную среду, а с другой – отвечает ее наиболее актуальным

запросам. Следовательно, переход к цифровому обществу неизбежно влечет за собой возникновение потребности в существенном изменении нормативно-правовой регламентации экономической, политической, социальной сфер, в формировании нового концепта права, названного В.Д. Зорькиным «правом второго модерна» [1].

Порожденное цифровизацией киберпространство стремительно расширяется, создавая новые угрозы фундаментальным правам человека, а значит, актуализируется необходимость в еще большей детализации этих прав с учетом изменившихся реалий.

Информационные права и свободы личности в качестве самостоятельной категории неотъемлемых прав и свобод человека были сформулированы и закреплены Всеобщей декларацией прав человека – эпохальным документом с позиции становления и развития соответствующей отрасли международного права [2]. Конкретизируя содержание категории информационных прав, можно отметить, что базовыми ее элементами являются три обобщенные группы прав, условно обозначаемые как неприкосновенность частной жизни, свобода убеждений и свобода поиска и распространения информации. На Европейском пространстве соблюдение указанных прав гарантировано нормами Европейской конвенции по правам человека [3], а их защита – деятельностью Страсбургского суда.

Вместе с тем необходимо признать, что цифровое общество строится и функционирует по особым принципам, и условия реализации разных групп информационных прав видоизменяются. Так, право на свободный поиск информации и ее трансляцию демонстрирует тенденцию к абсолютизации, в то время как право неприкосновенности частной жизни оказывается под постоянной угрозой, поскольку оставляемый любым человеком в процессе повседневной деятельности цифровой след

раскрывает границы личного пространства, позволяет аккумулировать и анализировать данные о его действиях, интересах, круге общения, то есть составлять «исчерпывающий портрет личности» [4].

Поскольку цифровизация – процесс глобальный, поиск новых эффективных механизмов защиты информационных прав граждан актуализируется на разных уровнях правового регулирования, прежде всего на международном и внутригосударственном. Российская Федерация в последние десятилетия предпринимает довольно успешные шаги по интеграции, в том числе правовой, в мировое сообщество. Действующая российская Конституция в вопросах гарантирования информационных прав граждан базируется на общепризнанных принципах международного права, предоставляя каждому свободу в поиске, распространении, производстве и получении любых сведений не противоречащими закону способами [5]. В закрепленном Основным Законом РФ перечне прав и свобод личности, которые так или иначе могут быть отнесены к категории информационных, помимо свободы слова и мысли, можно упомянуть право на сохранение в тайне личной жизни, право на доброе имя и его защиту, плюрализм мнений, право на свободный тайный обмен информацией с помощью различных средств связи, свободу СМИ, свободу самовыражения в творчестве, беспрепятственный доступ к историко-культурному наследию страны и т.д. Каждое из названных прав детализируется на уровне федерального законодательства, которое в настоящее время существенно адаптируется к вызовам времени. Так, в марте 2019 года поправками в Гражданский кодекс РФ в законодательный оборот было введено понятие цифровых прав, которые, как представляется, являются смежной категорией с информационными правами и в настоящее время законом не конкретизируются.

Информационные права и свободы граждан закреплены и в ряде международных актов, действующих в рамках Содружества независимых государств: Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека, воспроизведшей практически все положения Международного билля о правах человека, и различных соглашениях, заключенных участниками Содружества.

Вместе с тем закрепление информационных прав как неотъемлемых на разных уровнях правового регулирования в любом случае сопровождается оговорками о допустимости и даже необходимости определенных ограничений, которые, во-первых, связаны с интересами общества, правопорядка, морали, правами и свободами других членов социума (что условно может быть выражено общеизвестной бакунинской формулой об ограничителях свободы), во-вторых, строго регламентированы законом, обеспечивающим реализацию вышеуказанных интересов.

Наиболее общие формулировки допустимых оснований к изъятиям из правового статуса человека и гражданина содержит Международный пакт о гражданских и политических правах, обязательный к применению в 172 странах, подписавших и ратифицировавших его. Статья 19 названного акта признает законными ограничения фундаментальных прав в интересах поддержания общественного порядка, охраны прав и репутации других членов социума, а также обеспечения безопасности государства, а в целом – в интересах национальной безопасности.

Сопоставляя тексты Всеобщей Декларации и Европейской конвенции в части закрепления ими оснований к ограничению личности в фундаментальных правах, необходимо отметить, что второй из вышеназванных актов характеризуется большей степенью детализации этих оснований. Так, Конвенция признает объективной потребностью ограничения индивида в его правах, если

того требуют беспристрастность правосудия, превенция преступного поведения, поддержание правопорядка, обеспечение государственной безопасности (в том числе защита государственных границ и территорий), сохранность конфиденциальных данных, защита фундаментальных прав других людей, включая права на охрану здоровья, репутации, частной жизни и др. Декларация же признает обоснованным нормативное оформление ограничения прав только для случаев возникновения угрозы здоровью граждан, их законным правам и интересам, общественной нравственности, а также конституционному строю.

Вместе с тем Декларацией также установлены конкретные пределы реализации информационных прав, прекращающихся в том случае, когда их осуществление сопряжено с разглашением информации, составляющей государственную тайну или относящейся к разряду конфиденциальной, унижением чести и достоинства, вторжением в частную жизнь, нелегитимным изменением государственного строя, пропагандой насилия и распространением призывов к вооруженным конфликтам, провоцированием социальной розни по любому признаку.

Российское национальное законодательство также в ряде случаев ограничивает информационные права и свободы человека, если злоупотребление ими угрожает здоровью других людей, общественной нравственности, а также незыблемости конституционного строя РФ. При отсутствии указанных оснований государство не вправе каким-либо образом препятствовать реализации гражданами всей совокупности информационных прав, однако в условиях цифрового общества с его обилием разнообразных электронных средств коммуникации незамедлительное выявление контента, относимого на основании указанных выше признаков к нежелательному (негативному, вредоносному, запрещенному), является

актуальной, но сложноразрешимой задачей. Это в полной мере относится к социальным сетям и разного рода мессенджерам, нередко используемым в противоправных целях.

Определенным шагом на пути к вынужденному ограничению информационных прав всех российских граждан в интересах национальной безопасности стало принятие в 2016 году двух взаимосвязанных законов, названных по имени их инициатора и разработчика пакетом Яровой. Данные акты антитеррористической направленности вносят поправки в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, а также в Федеральный закон «О противодействии терроризму». Суть корректив заключается в значительном расширении доступа правоохранительных структур к закрытой информации частного характера, которая может быть передана преступником-экстремистом по различным каналам связи: через мобильную сеть, чаты, электронную почту и т.п. Так, в соответствии с внесенными поправками вводится длительный период хранения мобильного и интернет-трафика (от полугода до трех лет) и обязательная расшифровка применяемых для обеспечения связи средств шифрования. Несмотря на то, что доступ к этим данным предоставляется ФСБ России исключительно в целях противодействия террористической деятельности, нельзя не принимать во внимание и сам факт аккумуляции операторами связи конфиденциальных сведений в отношении любого пользователя любых каналов коммуникации и повышение риска утечки таких сведений.

В данном контексте также невозможно не вспомнить дело двухгодичной давности о блокировке мессенджера Telegram, руководство которого не выполнило требование ФСБ о передаче ключей расшифровки сообщений, сославшись на техническую неисполнимость и противоречие конституционно закрепленным информационным

правам граждан. При этом речь шла об использовании каналов мессенджера для подготовки террористических актов, то есть о деятельности, явно угрожающей жизни и здоровью российских граждан и национальной безопасности страны в целом, в связи с чем отсылка к конституционным нормам о тайне переписки и переговоров не вполне корректна по причине закрепления Основным Законом РФ как самого этого права, так и оснований к его ограничению. В то же время, учитывая универсальность ключей шифрования, нельзя не признать, что законное и обоснованное требование правоохранительных органов гипотетически сопряжено с возможностью злоупотреблений, ущемляющих свободы правопослушных граждан.

Цифровизация как одна из основ функционирования современного общества актуализировала значимость такой составляющей национальной безопасности, как информационная безопасность, понятие которой наряду с ее стратегическими целями, организационными основами и направлениями обеспечения закреплено в соответствующей Доктрине [7]. В данном концептуальном документе признается пробельность в регламентации возможных ограничений относительно реализации информационных прав, что рассматривается как существенное препятствие к стабилизации информационной сферы путем достижения баланса интересов ключевых акторов: личности, общества и государства.

Поскольку информация в цифровом обществе выполняет системообразующую роль, она должна рассматриваться как неотъемлемая и притом весьма важная составляющая окружающей среды. В связи с этим справедливой видится оценка качества информации, транслируемой через открытые каналы, с позиций реализации прав конституционных граждан на благоприятную окружающую среду. Защита от информационного загрязнения в настоящее время является не менее сложной

и важной проблемой, чем сохранение чистоты природы (воздуха, воды, почвы). Однако для информационной среды как части экосистемы, в которой живет человек, критерии благоприятности на сегодняшний день четко не сформулированы. Представляется, что движение в этом направлении может быть начато с признания на конституционном уровне права граждан на возмещение вреда (как материального, так и морального), причиненного недостоверной, необъективной информацией, угрожающей жизни, здоровью, нравственности, репутации, имуществу лица. В данном контексте следует отметить и назревшую потребность в закреплении федеральным законодательством легального определения понятия информационного правонарушения.

Таким образом, предлагается совершенствование существующих конституционно-правовых гарантий соблюдения и защиты информационных прав личности в условиях развития цифрового общества, а также расширение закрепленного Конституцией РФ перечня прав и свобод граждан в информационной сфере. Данные меры будут способствовать формированию эффективных механизмов пресечения и превенции противоправной деятельности в информационной среде.

Литература

1. Зорькин В.Д. Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. № 115.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включе-

ны в Конвенцию и первый Протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)).

4. *Сергеева Г.Н.* Цифровое общество как социокультурный феномен // Процессы цифровизации в современном социуме: тенденции и перспективы развития: сб. докл. Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием. М.: Российский новый университет, 2019. С. 8.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

6. Закон РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 01.03.2020), Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020), Федеральный закон «О рекламе» от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (с изменениями на 31.07.2020), Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ ред. от 28.12.2017), Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ (ред. от 28.12.2017), Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ (ред. от 31.07.2020) и др.

7. Указ Президента РФ от 05 декабря 2016 года № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

Literatura

1. *Zorkin V.D.* Pravo v tsifrovom mire // Rossijskaya gazeta. 2018. № 115.

2. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka (prinyata Generalnoj Assambleej OON 10.12.1948).

3. Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004) (vmeste s “Protokolom [№ 1]” (Podpisan v g. Parizhe 20.03.1952), “Protokolom № 4 ob obespechenii nekotorykh prav i svobod pomimo tekh, kotorye uzhe vklyucheny v Konventsiyu i pervyj Protokol k nej” (Podpisan v g. Strasburge 16.09.1963), “Protokolom № 7” (Podpisan v g. Strasburge 22.11.1984)).

4. Sergeeva G.N. Tsifrovoye obshchestvo kak sotsiokulturnyj fenomen // Protsessy tsifrovizatsii v sovremennom sotsiume: tendentsii i perspektivy razvitiya: sb. dokl. Vseros. nauch.-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiem. M.: Rossijskij novyj universitet, 2019. S. 8.

5. Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020).

6. Zakon RF “O sredstvakh massovoj informatsii” ot 27 dekabrya 1991 g. № 2124-1 (red. ot 01.03.2020), Federalnyj zakon “Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyah i o zashchite informatsii” ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ (red. ot 08.06.2020), Federalnyj zakon “O reklame” ot 13 marta 2006 g. № 38-FZ (s izmeneniyami na 31.07.2020), Federalnyj zakon “Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti gosudarstvennykh organov i organov mestnogo samoupravleniya” ot 9 fevralya 2009 g. № 8-FZ red. ot 28.12.2017), Federalnyj zakon “Ob obespechenii dostupa k informatsii o deyatelnosti sudov v Rossijskoj Federatsii” ot 22 dekabrya 2008 g. № 262-FZ (red. ot 28.12.2017), Federalnyj zakon “O zashchite detej ot informatsii, prichinyayushchej vred ih zdorovyu i razvitiyu” ot 29.12.2010 N 436-FZ (red. ot 31.07.2020) i dr.

7. Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 “Ob utverzhenii Doktriny informatsionnoj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii”.